

АЛЕКСАНДР
БЛОК

1880 · 1980

АЛЕКСАНДР БЛОК

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТИ ТОМАХ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

М. А. ДУДИНА

В. Н. ОРЛОВА

А. А. СУРКОВА

ЛЕНИНГРАД • «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ • 1980

АЛЕКСАНДР БЛОК

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТИ ТОМАХ

ТОМ 1

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ
1898 · 1906

ЛЕНИНГРАД · «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1980

ББК 84.3Р1
Б70

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
М. ДУДИНА

СОСТАВЛЕНИЕ И КОММЕНТАРИИ
ВЛ. ОРЛОВА

ПОДГОТОВКА ТЕКСТА
И. ИСАКОВИЧ

ОФОРМЛЕНИЕ ХУДОЖНИКА
Н. НЕФЕДОВА

Б 70401-062
028(01)-80

подписное 4702010100

© Вступительная статья,
примечания, оформление. Изда-
тельство «Художественная ли-
тература», 1980 г.

...Я вижу, я представляю себе, как через огромный материк русской культуры, пересекая его сверху вниз, оплетая его бесчисленными руслами притоков, течет, набирая силу движения и звучания, как Волга, неиссякаемая река русской поэзии.

Из каких сокровенных глубин народной души просочилось ее начало, в какой океан человеческого братства идут ее волны?..

Каждый волен пропустить этот поток через себя, через свою душу, через ее опыт познания мира, чтобы стать причастным к самой связи времен, к полету творческого духа народа, к чуду его певучего языка, к его истории, убегающей в грядущее.

Этот поток могуч и необратим, и бесчисленные его истоки идут из утреннего тумана истории, из малых родничков песен и притч, сказаний и легенд, из глубин творческого духа народа-языко-творца.

Он непостижим в своем величии. Над его истоком плачет вешний голос Ярославны, гудят гусли скоморохов и начинает ликовать медная труба Державина. Через утренние плёсы и старицы Жуковского, отразившие сияние звезд мирового неба, он спешит к весеннему разливу Пушкинского гения, и звезды мирового неба начинают дивиться его красоте и силе, его уверенности в торжестве человечности. Потом этот поток переходит через Лермонтовскую горловину трагедии к великой печали равнинного течения Некрасовского голоса, оставляя, как загадки, Тютчевские глубины откровения.

Он прекрасен, этот поток, своей скрытой силой даже под ледяным панцирем скованности, и волны его уже ломают лед отчуждения и укрепляют великую веру, повторяя своим рокотом: «Золото, золото сердце народное!»

Река русской поэзии течет в океан человеческого братства, достойно неся в себе бессмертный опыт народа, его истории. Она преодолевает барьеры лжи и несет чистую правду времени будущему. Она непрерывна в своем движении. У нее нет пробелов.

И есть в этой необыкновенной реке Блоковский перекаат.

Он всем кипением страсти держит связь двух миров. Без него немислимо движение потока. Его нельзя заменить обводным каналом.

В нем ликует жизнь.

Над ним поет ветер времени.

Он стал тем явлением, в котором само время скрестило шпаги своих страстей, а страсти обрели вечную реальность в слове.

Александр Александрович Блок!

Судьба наградила его всем: красотой и силой, мужеством прозрения мысли и великодушием гения. Он врос в свое время, и время это уже невозможно представить себе без его песни.

Он и сейчас как бы стоит у истоков своей жизни и говорит перед лицом всего мира:

О, весна без конца и без краю —
Без конца и без краю мечта!
Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!
И приветствую звоном щита!

Так он понимал мир, его судьбу и свое назначение в этом мире. Так, вопреки всему, как и подобает истинному рыцарю, он видел и славил жизнь, тайные истоки ее творческих начал и никогда не изменял этому высокому оптимизму, даже на краю морока и мрака он чувствовал «неслыханные перемены, невиданные мятежи». Он был истинным поэтом, а истинная поэзия всегда имела свойство заглядывания вперед, стягивания к своему магнитному полюсу меридианов всех тревог времени. Она не искала благополучия. Ее стихией были тревога и боль, или сочувствие, равное самой боли.

Истинный поэт! Чтобы им быть, мало одной одаренности, надо еще иметь судьбу, сродственную с судьбой времени, надо еще быть на высоте понимания движущих сил истории, надо чувствовать все звенья бесконечной цепи жизни и обладать творческой верой в себя, в мир, в человека.

Чем талантливее поэт, тем он крепче срастается нервными волокнами своей души с миром и временем, тем большую, по своей воле, берет он на себя ответственность.

Александр Блок понимал: «Жить стоит только так, чтобы предъявлять безмерные требования к жизни: все или ничего; ждать неожиданного, верить не в «то, чего нет на свете», а в то, что должно быть на свете; пусть сейчас этого нет и долго не будет. Но жизнь отдаст нам это, ибо она — прекрасна».

Блок был птицей своей стаи. Его миром был мир высокой просвещенности. Он был рожден в семье потомственных русских интеллигентов: его дед был ректором Петербургского университета, отец

профессором права, мать — писательницей, переводчицей. Его женой стала дочь великого русского ученого Д. И. Менделеева.

Истинная поэзия — это торжество индивидуальности, а не индивидуализма. Творческая же индивидуальность так устроена, что обязательно оказывается на переднем крае жизни, — душа ее может парить только на самых пронзительных сквозняках времени.

А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

И ничего тут не поделаешь!

Розовый туманный круг «Стихов о Прекрасной Даме» оказался тесен для души истинного поэта. Душа запросилась на вольную волю высшей ответственности. Двадцатитрехлетний филолог, рыцарь Прекрасной Дамы увидел то, что в конечном счете изменило его судьбу, придало ей полновесную значимость, а слову поэта — ответственность. Он увидел главное и своим прекрасным, четким почерком написал:

ФАБРИКА

В соседнем доме окна жолты.
По вечерам — по вечерам
Скрипят задумчивые болты,
Подходят люди к воротам.

И глухо заперты ворота,
А на стене — а на стене
Недвижный кто-то, черный кто-то
Людей считает в тишине.

Я слышу всё с моей вершины.
Он медным голосом зовет
Согнуть измученные спины
Внизу собравшийся народ.

Они войдут и разбредутся,
Навалят на спины кули.
И в жолтых окнах засмеются,
Что этих нищих повели.

Он переписал это набело и поставил внизу дату: «24 ноября 1903». Это была первая ступень, с которой Блок начал подниматься к вершине своей жизни, поэзии, своей человеческой судьбы, это было время, когда уже пробуждались силы Первой Русской Революции. Это был год Второго съезда РСДРП, съезда размежевания и создания Ленинской партии рабочего класса. Поэт Александр Блок был далек от этих проблем, но сама правда поэзии расставляла в лабиринте его духовного мира те точные ориентиры, которые давали ему возможность в одиночку выбирать правильное направление. С мокрого

и серого ноябрьского дня, когда была написана «Фабрика», сочувствие Блока стало перерастать в уверенность и убежденность. Процесс происходил медленно, болезненно, но бесповоротно, хотя мертвенный болотный морок символизма, еще курясь, туманил его высокое окно и застилал горизонт. Но просветление души, вопреки всему, шло через правду трагедии времени, и красный жесткий снег с Дворцовой площади, завиваясь воронками, хлестал в его лицо и просветлял зрение, а он, Александр Блок, как никто, умел слушать ветер, не отвращая от него лица.

Ты должен быть гордым, как знамя.
Ты должен быть острым, как меч.
Как Данту, подземное пламя
Должно тебе щеки обжечь.

И я волен представить себе, что Валерий Брюсов написал это, думая о Блоке, видя мысленно перед собой его лицо, загорелое, чистое, в завитках прекрасных кудрей.

Это лицо видели кабаки и храмы, метель и белая ночь, бронзовые глаза Петра и плоская волна Невы. Он любил, как это любят все поэты мира, ходить по улицам своего города, сверяя ритм биения своего сердца с изменчивым ритмом окружающей жизни людей и деревьев, камней и воды, раскачивающей колыбель Млечного Пути.

Он любил ходить по торцовым мостовым площадям, по тротуарам Невского проспекта, по набережным бесчисленных петербургских каналов. Шаги Блока звучали по гулким спинам мостов, по узким тропинкам петербургских пригородов и кладбищ. Он любил свой город и с каждым взглядом на него, с каждым вздохом обнаруживал новые узелки родства с его прошлым и с его будущим. Поэт жил радостью и трагедией, величием и тоской своего города. Слышал залпы его баррикад и видел красную, как знамя над баррикадой, кровь, вмерзшую в снег, затоптанный солдатскими каблуками и подкованными копытами лошадей.

Он был беспощадно правдив и верил в праздник правды. Он страдал, не показывая вида, как это подобает мужеству.

Первая Русская Революция, по его выражению, обнажила всю несостоятельность самодержавия, весь его «прогнивший хлев». Блок искал «дорогу к делу», мучительно искал. Он видел, «как тяжело лежит работа на каждой согнутой спине». Призрачная неопределенность символизма мешала ему дышать и мыслить, верить и любить, и он все чаще стал переступать через символистские каноны. Он первый из символистов понял подвиг Максима Горького, увидел в нем пример служения народу. Блок и сам в письме к С. Городецкому говорил о том, что «искусство должно изображать жизнь и проповедовать нравственность».

Внутренняя борьба изматывала и в конечном счете просветляла его беспокойную творческую душу.

Гроба, наполненные гнилью,
Свободный, сбрось с могучих плеч!

Чтобы сказать так, нужны были сила, воля и убеждение. Александр Блок был многогранен в своей лирической стихии, и в каждой грани его таланта светилась истина, открытая поэтом для себя (она же — для самого себя поставленная вежа): «человек есть будущее».

Он умел любить трогательно и пронзительно.

Девушка пела в церковном хоре
О всех усталых в чужом краю,
О всех кораблях, ушедших в море,
О всех, забывших радость свою.

Так пел ее голос, летящий в купол,
И луч сиял на белом плече,
И каждый из мрака смотрел и слушал,
Как белое платье пело в луче.

И всем казалось, что радость будет,
Что в тихой заводи все корабли,
Что на чужбине усталые люди
Светлую жизнь себе обрели.

И голос был сладок, и луч был тонок,
И только высоко, у Царских Врат,
Причастный Тайнам, — плакал ребенок
О том, что никто не придет назад.

Это стихотворение написано в августе 1905 года, после расстрела у Зимнего, после баррикад и демонстраций, на одной из которых самому Александру Блоку довелось обжечь ладони о древко с пылающим кумачом, — Блок нес знамя впереди демонстрации. Что это было? Случай? Или роковое совпадение случая с убеждением? Не знаю. Но думаю, что отсвет красного кумача сверкал в молодых и гордых глазах Александра Блока как высший знак счастья, как сама судьба и вера в победу справедливой, единственно справедливой судьбы.

Блок написал стихотворение «Девушка пела в церковном хоре...» как памятник и как молитву, исполненную сочувствия утратам и жертвам. Написал его как песню утешения. И она утешала, утешает и не раз еще утешит человеческие души в минуты скорби и печали.

Стихотворение было очень дорого и самому Блоку. Каждое свое публичное выступление он заканчивал именно этим, отмеченным какой-то особой чистотой и уравновешенностью вздохом.

И все-таки от прелести белой девушки в храме, от ее голоса поэт вышел в мир радостей земной жизни человека, вышел к «Вольным мыслям» и запел:

Высокий гимн о том, как ясны зори,
Как стройны сосны, как вольна душа.

«Вольные мысли», как четыре чаши отборного белого ямба, стоят особняком в лирике Александра Блока и в русской поэзии. Они жизнеутверждающи по мысли и чувству, скульптурны по форме, просты святой мудростью самой природы и прекрасны ее глубинной и вечной красотой. Они пахнут прогретой июльским солнцем водой, жарким можжевеловым и поющим на гребнях дюн песком. Они бегут как четыре волны по гладкой отмели взморья.

Моя душа проста. Соленый ветер
Морей и смольный дух сосны
Ее питал. И в ней – всё те же знаки,
Что на моем обветренном лице.
И я прекрасен – нищей красотой
Зыбучих дюн и северных морей.

«Вольные мысли» – одна из вершин блоковской гармонии. И если все, что было написано до «Вольных мыслей», можно и должно считать воздухом, первородной оболочкой, то начиная с них появляется зрелость Блока, та ясность мысли и точность формы, которые и делают его поэтом своего времени. Здесь начинается лирический эпос Блока.

Спустя пять лет после «Вольных мыслей» он признается себе: «Пора развязать руки, я больше не школьник. Никаких символизмов больше».

Так наступает осознанность гражданского долга поэта.

Он встанет перед новым днем и скажет той двери, которую притворил:

И, наполняя грудь весельем,
С вершины самых снежных скал
Я шлю лавину тем ущельям,
Где я любил и целовал.

Да, дверь закрыта, но прошлое забыть нельзя, и оно волей поэта оживает под его пером живым трепетом сегодняшней жизни и устремляется в завтра.

И вечный бой! Покой нам только снится
Сквозь кровь и пыль...
Летит, летит степная кобылица
И мнет ковыль...

«На поле Куликовом». Какая сила у этих стихов! Какая железная связь слова со временем! Какая возвышающая душу верность Родине и Долгу! Они покоряют человеческую душу сразу и не отпускают от себя уже нигде и никогда.

Я впервые прочел эти стихи мальчиком, как эпитафия взятые Николаем Тихоновым для одной из первых его книг — «Брага». Через эпитафию я узнал о существовании поэзии Александра Блока, и разыскал его книги, и очаровался ими на всю жизнь. Слова Блока стали эпитафией жизни моего поколения и моей собственной судьбы. Недаром мой сверстник поэт Арон Копштейн, перед тем как погибнуть в бою, последнее стихотворение закончил словами: «И вечный бой! Покой нам только снится. Так Блок сказал так я сказать бы мог».

В годы реакции наступившие после разгрома Первой Русской Революции, в годы приниженности человеческой души, потерявшей веру, Александр Блок становился собраннее, яснее, проще и глубже. Кажется, Пушкин и Лермонтов, Тютчев и Некрасов — вся поэзия его предшественников вставала за плечами Блока высоким строем и выдвигала его вперед как своего продолжателя.

И Блок, понимая ответственность своего назначения, как бы перекликался с Пушкиным, стал говорить

О том, что мы в себе таим,
О том, что в здешнем мире живо,
О том, как зреет гнев в сердцах,
И с гневом юность и свобода,
Как в каждом дышит дух народа...

Очевидно, возрастающая требовательность к жизни, к самому себе и к своему слову заставила поэта пересмотреть первоначальные планы романа «Возмездие»; он задумался об этом и упустил время. «Возмездие» он так и не закончил. Но завершённые лавы и наброски сами по себе являются лучшими образцами поэзии Блока:

...Узнаю тебя, начало
Высоких и мятежных дней.

Блоку всегда приходила на выручку вера в будущее, она ставила крест на пророчестве гибели. Но поэт видел в трагедийном начале поэзии высший оптимизм правды жизни. Он уже приучил свою душу «к вздрагиваниям медленного хлада». Он ждал ослепительных лучей из будущего. Ждал и верил в них. Жизнью и смертью верил.

Пушай я умру под забором, как пес,
Пусть жизнь меня в землю втоптала,
Я верю: то бог меня снегом занес,
То вьюга меня целовала!

Он был лириком по природе своего гения. И к его удивительным стихам о любви, об ошеломляющем откровении страсти, к стихам, перекликающимся с Пушкиным и Некрасовым, Лермонтовым и Тютчевым, Фетом и Григорьевым, Баратынским и Жуковским, стихам буйным, как июньские грозы, светлым и чистым, как майское утро, тревожным, как августовская ночь, переливающимся блеском, как мартовский снег на солнце, можно взять эпиграфом пушкинское признание: «Я вас любил так искренно, так нежно, Как дай вам бог любимой быть другим».

Пушкин! *Тайную свободу*
Пели мы вослед тебе!
Дай нам руку в непогоду,
Помоги в немой борьбе!

Не твоих ли звуков сладость
Вдохновляла в те года?
Не твоя ли, Пушкин, радость
Окрыляла нас тогда?

В этой любви Блок признается перед смертью, этим он закончит круг своей жизни.

А пока он молод, и цыганка по тонким линиям его руки нагадала ему измену, и неземную любовь, и он «позолотил ручку».

А пока Незнакомка сидит с ним рядом под жаркой медвежьей полостью в легких бегунках, и из-под широкой спины кучера летит серебряная пыль снега в их разгоряченные лица, и все в ней смеется — губы, зубы, крылья ресниц, глаза, в которых, кажется, искрится сама вселенная. А потом

Смычок запел. И облак душный
Над нами встал. И соловьи
Приснились нам. И стан послушный
Скользнул в объятия мои...
Не соловей — то скрипка пела,
Когда ж оборвалась струна,
Кругом рыдала и звенела,
Как в вешней роще, тишина...
Как там, в рыдающие звуки
Вступала майская гроза...
Пугливые сближались руки,
И жгли смеженные глаза...

Он не любил рабства. «...Свободным взором красивой женщине смотрю в глаза и говорю: „Сегодня ночь. Но завтра — сияющий и новый день. Приди. Бери меня, торжественная страсть. А завтра я уйду — и запою“».

Снежный костер его страсти, любви, обожания необычен. Он вывел романс из ресторана, наполнил его светом солнца и блеском

самых ярких полуночных звезд, сделал его песней любви, таинственной и заманчивой. Удивительный мастер, он помогал самой природе рождать чудо.

И в зареве его — твоя безумна младость...
Всё — музыка и свет: нет счастья, нет измен...
Мелодией одной звучат печаль и радость...
Но я люблю тебя: я сам такой, *Кармен*.

Блок сделал романс принадлежностью высокой поэзии. Вслед за Блоком Сергей Есенин в «Москве кабацкой» и в «Персидских мотивах» по-своему поэтически осмыслил романс. А потом блоковский опыт, быть может ничего не зная о нем, повторит в «Цыганском романсеро» великий брат Блока по песне и любви Федерико Гарсиа Лорка. И в этом нет ничего удивительного, потому что все ручейки и реки поэзии стекаются в один океан человеческого братства, а сама поэзия есть не что иное, как надежно действующая система сообщающихся сосудов духовного мира человеческого братства, — не в этом ли заключается высочайший гуманизм поэзии, рыцарски беззащитной и никогда не опускающей забрала.

В душном вакууме безвременья поэтом Александром Блоком владело чувство упорства, противостояния «мерзостям жизни», то чувство преодоления, на котором держатся все человеческие деяния. Блок двигался к вершине своего гения, — к чему бы ни прикасался его талант, он высекал искры.

Фрагменты «Возмездия», драма «Роза и Крест», «Снежная маска», «Клеопатра», «Три послания», «Друзьям», «Поэты» и, наконец, «Россия» с ее пророчески заклинательной интонацией:

Ну что ж? Одной заботой боле —
Одной слезой река шумней,
А ты всё та же — лес, да поле,
Да плат узорный до бровей...

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснет в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка,
Когда звенит тоской острожной
Глухая песня ямщика!..

Эти стихи надо читать, как читают присягу, с той верой в судьбу своей Родины, с которой идут на смертный бой. Есть в этих стихах простор и воля волшебной любви, благородство силы и достоинство страсти. Они, как песни жаворонка под синим колоколом неба над розовым полем клевера, льются сами по себе прямо в душу человека, просветляя ее и наполняя верой.

Россия! Сколько раз Александр Блок прикасался к твоим ранам и к твоей истории, какой верой в твою судьбу он наполнил музыку твоего имени, прославляя тебя! Это была любовь сына и певца к истоку своей жизни, к роднику своей одаренности, к чаше своего мучения и восторга. Поэт был всегда верен тебе своим словом, наполненным страстью жизни, и жизнью, отданной слову.

Он любил твой язык как мастер, расширяя его границы, углубляя его звучание.

Ты, знающая дальней цели
Путеводительный маяк,
Простишь ли мне мои метели,
Мой бред, поэзию и мрак?

Иль можешь лучше: не прощая
Будить мои колокола,
Чтобы распутица ночная
От родины не увела?

К кому это обращено — к родине, к женщине, к самому себе? Не все ли равно! Это сама беспощадность очищения души, это — алмазная грань совести, снимающая коросту корысти с глубоких шрамов своих обид и сочувствий чужому горю.

Рожденные в года глухие
Пути не помнят своего.
Мы — дети страшных лет России —
Забить нас в силах ничего.

Испепеляющие годы!..

Но и в этих годах есть голубые просветы нечаянных радостей — есть радость «Итальянских стихов», написанных словно бы чистым золотом по белому мрамору. Как будто медь торжественной латыни, которая пела ему в уши с надгробных плит Данта и Теодориха, со всей отчетливостью запела в его собственных стихах, чистых, как весенняя лазурь неапольского горизонта, наполненная скрытой силой подземного огня Везувия.

В «Итальянских стихах» необъяснимое очарование торжественной простоты и пышная строгость венецианских дождей, полдневное спокойствие русского характера и сосредоточенность на прекрасном незнакомом мире, уже связанном узами родства с миром собственной красоты и надежды.

И есть в этих испепеляющих душу годах мудрая сказка «Соловьинного сада», песня о соразмерности страсти и долга, притча о безрассудности желания и ответственности свободы, гимн несказанной прелесть знойного неба, цветущего зеленого побережья и ослепительно

бирюзового моря. Ассоциативный строй поэмы прост и многообразен. И даже обнажение главной мысли поэмы — «Заглушить рокотание моря Соловьиная песнь не вольна!» — не снимает мозаики, разносторонности ее восприятия, потому что она гораздо шире заложенной в ней идеи и ее нельзя расчленить холодным способом привычного анализа.

Да ее и не надо анализировать. Она создана не для анализа, а для восторга перед красотой мира, красотой человеческого ума и чувства. Все в этой поэме предельно сжато, но от этого простор отраженного мира не теряет своих широких горизонтов. Поэма празднична по звучанию, потому что праздничен труд, который возвел и увенчал розами белую ограду соловьиного сада.

Но жизнь и трагична, она нередко оборачивается тяжелыми потерями и обманом.

Но час настал, и ты ушла из дому.
Я бросил в ночь заветное кольцо.
Ты отдала свою судьбу другому,
И я забыл прекрасное лицо.

Она еще окликнет его и — скроется в зыбкой глубине зеркала. А он еще увидит ее «под насыпью, во рву некошенном» и поймет: «Любовью, грязью иль колесами Она раздавлена — всё больно». И будет вновь бродить по своему городу, как все поэты мира, — в поисках чуда, пока наконец не поймет,

Что через край перелилась
Восторга творческого чаша,
И всё уж не мое, а наше,
И с миром утвердилась связь...

И Блок опять — в который раз! — прислушается к ветру времени, попытается понять, о чем он поет. И опять пойдет лабиринтом улиц и переулков, вышагивая, вымеряя и выверяя ритм своей души соотносительно с нервным ритмом мира. И пролетят года и миры перед его мысленным взором. И он опять задумается:

Что счастье? Короткий миг и тесный,
Забвенье, сон и отдых от забот...
Очнешься — вновь безумный, неизвестный
И за сердце хватающий полет.

Ему уже не выйти из этого круга. Он — поэт. Он не может жить без раздумий о мире и о каждом встречном человеке. Такова уж его судьба. Он на веки веков приговорен к этому прекрасному беспокойству. Он и после смерти своей не даст покоя всем, кто захочет взглянуть в его вселенную, кто попадет в соловьиный сад его поэзии, в его

космический корабль, стартовавший из своего земного дня в завтрашний день человечества.

Лирическая летопись души стала у Блока, к нашей радости, духовной летописью времени. И его «Авиатор», гибнущий на глазах у жадной до сенсации публики, силой размышлений поэта встанет из обломков как некий символ времени, проецируется на события и тревоги наших дней.

Иль отравил твой мозг несчастный
Грядущих войн ужасный вид:
Ночной летун, во мгле ненастной
Земле несущий динамит?

Как правило, эти «летуны», как бы предупрежденные Блоком, плохо кончали, ища спасения или в монастыре, или в сумасшедшем доме. Их разум был опален страхом или раскаянием. Адское пламя взрыва шло за ними как расплата за содеянное зло.

Блок видел своими вещими глазами «пляску смерти», слышал чутким слухом, как «кости лязгают о кости»:

Живые спят. Мертвец встает из гроба,
И в банк идет, и в суд идет, в сенат...
Чем ночь белее, тем чернее злоба,
И перья торжествующе скрипят.

«Мертвец» распоряжается жизнью живых, и «петроградское небо мутится дождем», и по приказу «мертвецов» живые убивают живых, и поэт не может стоять в стороне от этих событий. Он вместе с народом, и шовинистический угар не ослепляет его трезвого взгляда, видящего, как ползет по лесам и полям России, по ее городам и весям «отравленный пар с галицийских кровавых полей». И поэт признается себе, и времени, и всем временам:

Да. Так диктует вдохновение:
Моя свободная мечта
Всё льнет туда, где унижение,
Где грязь, и мрак, и нищета.

У него хватает силы и мужества: «Пускай грядущего не видя, — Дням настоящим молвить: нет!»

Блок не может стоять и не стоит в стороне от дикого грохота войны. На его плечах тоже шинель беспросветно-серого цвета, серого, как туча горя и печали, закрывшая над Россией солнце жизни. Поэт с народом, в народе. Он сам частица этого необозримого множества воли и характеров множества, которое «мертвецы» предали и завели на минное поле. Вступая в переключку с Некрасовым, Блок